УДК 314.74

Леонид Горизонтов

Современный миграционный опыт Польши в центральноевропейском и евразийском соотнесении

Аннотация. Миграционная политика Польши получила в последние годы значительное развитие и широкий международный резонанс. Страна осуществляет массовый прием трудовых мигрантов из Украины, дополняя безвизовый режим их пребывания на территории Европейского союза возможностями легального трудоустройства. В качестве важного ресурса рассматривается увеличение притока мигрантов из Белоруссии. Евроскептически настроенная правящая элита Польши решительно противодействует афроазиатизации, отвергая устанавливаемые Брюсселем квоты и максимально жестко действуя на своих границах. Специфика опыта Польши определяется путем его сравнения с миграционными ситуациями и стратегиями других центральноевропейских государств и России, которые также испытывают миграционное давление, нуждаются в использовании внешних источников рабочей силы, принимают во внимание свое прошлое и региональное позиционирование. При всей уникальности миграционного опыта каждой из стран, польский случай обнаруживает черты сходства не только с Чехией, Словакией и Венгрией, с которыми Варшава координирует свои установки и действия в миграционной сфере, но и с евразийской Россией. Представления о желательных мигрантах в Польше, других странах Вишеградской группы и России в значительной степени совпадают, что делает их конкурентами на международном рынке рабочей силы.

Ключевые слова: миграционная политика, Польша, Вишеградская группа, Россия, трудовые мигранты, желательные мигранты, интеграция, исламофобия, евроскептицизм, стратегия экономического развития.

© **Горизонтов Леонид Ефремович** — д.и.н., профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: lgorizontov@hse.ru ORCID: 0000-0002-2253-1422.
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00330.

В последние годы значимость миграционной повестки заметно возросла. Существенные перемены произошли и в Польше, которая, традиционно являясь страной эмиграции, открылась для массового приема мигрантов, что потребовало разработки новой миграционной политики и ее последующей корректировки. Польский опыт привлекает внимание прежде всего стимулированием трудовой миграции из Украины и противодействием афроазиатизации. Специфика польского случая может быть осмыслена путем соотнесения его с миграционными процессами в соседних центральноевропейских странах и евразийской России.

Принадлежность к большому восточноевропейскому региону в значительной степени определила миграционный опыт всех населяющих его народов. Долгое время оттуда исходил значительный поток мигрантов, но «железный занавес» создал препятствия для миграционной активности. Правда, некоторые страны Западной Европы, например, Великобритания, и в период холодной войны использовали труд мигрантов из социалистических государств. В то время как в Западную Европу устремилось беспрецедентное число мигрантов из бывших колоний (Биссон Л.С. 2020: 33–36), в советском блоке в основном ограничивались приемом граждан стран социалистической ориентации, приезжавших в значительной степени в качестве иностранных студентов. Присутствие вьетнамцев до сих пор заметно в Чехии и Польше.

Целеполагание современной миграционной политики стран Центральной Европы и России отчасти совпадает. Они принадлежат к числу государств со стареющим, сокращающимся населением, экономический рост которых зависит от притока трудовых ресурсов извне. Кроме того, для России критически важным является освоение ее огромной территории, где депопуляция чревата серьезными негативными последствиями.

Рассматриваемые страны не предоставляют мигрантам солидного социального пакета, и поэтому те, кто не ориентирован на интенсивную трудовую деятельность, отдают предпочтение щедрым государствам ЕС, проявляя интерес к Европейской России и Центральной Европе преимущественно с точки зрения транзитных потребностей. Бывшие социалистические государства привлекательны главным образом для своих более бедных соседей.

Россия и страны Центральной Европы имеют уникальные, различным образом трактуемые имперское прошлое и опыт существования в полиэтническом социуме. Исторический багаж в связи с возникающими миграционными проблемами становится все более востребованным. Важное значение вновь приобретает идея славянской взаимности, поскольку именно она в немалой степени определяет выбор «желательных мигрантов». Вызывают рефлексию традиции взаимоотношений с Востоком.

В середине второго десятилетия XXI в. в Европе разразились два крупных кризиса — украинский и миграционный. Рассматриваемые страны были вовлечены в них в разной степени. Польша самым активным образом участвовала в смене власти на Украине и претендовала на роль ее «адвоката», а Венгрия в силу своего расположения на пути с Балканского полуострова в Германию более других столкнулась с прибывающими в Европу мигрантами. В гораздо меньших масштабах миграционный кризис дал о себе знать в других странах Вишеградской группы и на российско-норвежской границе. Россия ощутила многоплановые последствия украинского кризиса, в том числе в миграционной сфере.

Тогда же был пройден экономический кризис: экономика начала расти, безработица уменьшилась, восстановились условия для трудовой миграции из центральноевропейских стран в Старую Европу. Для Польши 2015 год ознаменован возвращением к власти евроскептической партии «Право и справедливость». В середине 2017 г. новое качество отношений Украины с Европейским союзом закрепил важный для миграционных процессов «безвиз».

Рассматриваемые страны, при всем плюрализме существующих в них мнений, тяготеют в большей степени к евроскептицизму, традиционным культурным кодам и ценностям. Потрясший ЕС миграционный кризис сплотил Вишеградскую группу, которая заняла консолидированную позицию относительно недопущения приема мигрантов по квотам Брюсселя, отстаивая принцип гибкой (эффективной) солидарности. В 2016 г. социологические опросы зафиксировали негативное восприятие мигрантов в Венгрии, Чехии и Словакии на практически одном исключительно высоком уровне (79–82% респондентов), тогда как в Польше градус мигрантофобии был заметно ниже (64%). Этот разрыв подтвердило и более детальное зондирование распространенных в принимающем обществе опасений (Четверикова А.С. 2017: 133–134).

Тем не менее в подготовленных летом 2019 г. документах, которые были призваны осуществить серьезную ревизию миграционной доктрины Польши, мусульмане рассматривались как однозначно нежелательные мигранты, несущие террористическую угрозу (Горизонтов Л.Е. 2019). В более поздних разработках миграционной политики, датируемых концом 2020 г. и первой половиной 2021 г., прямых указаний подобного рода нет. Однако совсем недавние драматические события на границе с Белоруссией продемонстрировали решимость властей Польши не допускать выходцев с Ближнего Востока на свою территорию даже в качестве транзитных мигрантов. В контексте государственной миграционной политики предпринятые Варшавой действия были достаточно предсказуемы.

Стоит вспомнить, что несколькими годами ранее Венгрия отказалась стать страной временного пребывания мигрантов, подобно Греции и Италии, несмотря на то, что это избавило бы ее от брюссельских квот (Четверикова А.С. 2017: 134). Отвергая требования Евросоюза, Вишеградская четверка приняла очень небольшое число христиан из арабских стран. Она не только солидарно противостоит Брюсселю, но и обеспечивает взаимопомощь в трудных ситуациях, с которыми Венгрия столкнулась в 2015 г., а Польша в 2021 г.

В России позиция Вишеградской группы, диссонирующая с общими подходами Европейского союза, вызвала немалый интерес и поначалу была воспринята с пониманием. Помимо поддержки отстаивания государственного суверенитета и культурно-исторической самобытности Центральной Европы подобная реакция обуславливалась неприятием мультикультурализма. Однако артикуляция антиисламских воззрений, негуманное поведение польских силовиков и нежелание принимать на себя ответственность за участие в военных операциях НАТО стали предметом критики.

Россия является полиэтнической и поликонфессиональной страной, для которой национальная и религиозная ксенофобия категорически противопоказаны, а строительство политической российской нации определяется в качестве важнейшего приоритета. Кроме того, тесные интеграционные отношения связывают ее с Востоком, в том числе мусульманским. Евразийский экономический союз, куда входит и Белоруссия, обеспечивает свободное перемещение рабочей силы. Российская Федерация остается привлекательной для трудовых мигрантов из постсоветской Азии. После распада СССР масштабный приток мигрантов стал отличительной чертой России, занимающей одно из первых мест в мире по их приему.

Если Центральная Европа испытывает давление не ориентированных на трудовую деятельность транзитных мигрантов из далеких от нее Азии и Африки, то приезжающие в Россию граждане азиатских государств остаются в ней работать и воспринимаются как представители «ближнего зарубежья». Они пополняют свои ранее сложившиеся здесь диаспоры, которые не получили сопоставимого развития в центральноевропейских странах, что снижает миграционную привлекательность последних с точки зрения возможностей адаптации.

Уступая центральноевропейским странам по степени этнической однородности, современная Россия существенно превосходит по этому показателю СССР. Среди вишеградских стран ближе всех к российскому уровню находится Словакия, а самой моноэтничной является Польша. Сохранение удельного веса и гравитационного потенциала государ-

ствообразующей титульной нации учитывается при формировании миграционной стратегии. На первый план повсеместно выходит установка на социально-культурную интеграцию мигрантов, увязываемая с требованиями безопасности. Негативными трендами признаются их маргинализация, криминализация и образование этнических анклавов.

Наиболее желательными и для России, и для стран Центральной Европы стали восточнославянские мигранты, среди которых преобладают граждане Украины (Горизонтов Л.Е. 2021). В доктринальных документах, излагающих миграционную политику Польши, употребляется понятие «страны восточного соседства», которые близки полякам в языковом и культурном отношениях. Если в 2019 г. от прибывающих в Польшу на постоянное жительство ожидалась ассимиляция, то в новейших документах говорится об интеграции мигрантов. Ключевой задачей остается сохранение «сплоченности» общества, которое в результате массового притока извне не должно подвергнуться фрагментации.

Для России и Польши важное значение имеет рабочая сила из Белоруссии. Российско-белорусские отношения развиваются в рамках Евразийского экономического союза и союзного государства. Польша издавна оказывает покровительство белорусским оппозиционерам. «Как президент Польской Республики, — заявил в декабре 2021 г. на “Саммите за демократию” А. Дуда, — я декларирую, что к белорускам и белорусам, 180 тысяч которых нашли работу или убежище в Польше, мы будем относиться как к братьям и как к желаннейшим гостям» (Президент Польши обратился… 2021).

В стремлении заполучить желательных мигрантов все рассматриваемые страны выступают конкурентами на рынке труда. Наряду с наиболее масштабным российско-польским соперничеством существуют определенные нюансы и в отношениях между участниками Вишеградской группы. Польша, потребности которой во внешних источниках трудовых ресурсов из-за значительного объема экономики выше, чем у других центральноевропейских стран, и, соответственно, ее конкурентным преимуществом является большое количество вакансий, достаточно оперативно создала благоприятные возможности для работы обладателей «безвиза». В этом смысле она пошла по пути Великобритании и Ирландии, в числе первых предоставивших гражданам Польши после ее вступления в ЕС право на легальное трудоустройство и обеспечивших себе таким образом солидный приток поляков.

Если в 2010–2012 гг. Польша приняла 14,3% трудовых мигрантов из Украины и Чехия ей почти не уступала, приняв 12,8% (Венгрию тогда выбрало всего 1,9% украинцев), то в 2015–2017 гг. доля Польши возросла до 38,9%, а Чехии снизилась до 9,4%. Уже в начале второго десятилетия

XXI в. количество удовлетворенных условиями работы в Польше и Венгрии значительно превосходило этот показатель для Чехии (Гулина О., Позняк А. 2018: 564, 568–569). Однако конкурентным преимуществом Чехии являются более высокие по сравнению с Польшей зарплаты. В результате часть украинских «заробитчан», въехав в Европейский союз через украинско-польскую границу и получив в Польше разрешение на работу, направляется затем в Чехию, где граждане Украины также численно преобладают среди работников-иностранцев (Волкова Д.А. 2019: 208; Четверикова А.С. 2017: 138).

В число желательных в центральноевропейских странах мигрантов входят и люди русской культуры. Русское присутствие в Центральной Европе имеет длительную и непростую историю, порождающую неоднозначные реакции принимающих обществ.

В миграционных стратегиях усиливается ориентация на привлечение квалифицированных кадров, занятых как в рабочих профессиях, так и в инновационных, наукоемких сегментах экономики. В Польше, в частности, отмечается спрос на специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. В России долгое время безальтернативным считалось широкомасштабное привлечение трудовых мигрантов, которых некем заменить в непривлекательных для россиян сферах. Ныне обсуждается целесообразность сокращения приема мигрантов и внедрения инноваций в монополизированные ими виды деятельности. Подобные меры должны привести к исключению нелегальной миграции и чреватой негативными последствиями дискриминационной оплаты труда иностранцев. При этом в большей степени учитываются потребности принимающего общества.

Повышается значение образовательной и научной миграции. По доле иностранных студентов Польша еще не достигла среднего показателя Европейского союза. В 2014/2015 уч. г. Чехия лишь немного уступала своей гораздо более крупной соседке: 41,8 и 46 тыс. иностранных студентов, соответственно (Шишелина Л.Н. 2017: 81). Однако Польша быстро продвигается вперед за счет привлечения украинских и белорусских студентов. В 2016/2017 уч. г. количество студентов из Украины в Чехии было почти на порядок меньше, чем в Польше — мировом лидере по их приему. В Словакии и Венгрии, граничащих, в отличие от Чехии, с Украиной, число студентов из этой страны еще более скромное (Кучеренко С.Ю., Резник В.В. 2020: 209).

Эмиграция воспринимается как неизбежное зло, ставятся задачи реэмиграции (репатриации) и поддержки диаспор. Собирание соотечественников принадлежит к числу приоритетов как польской, так и российской миграционной политики и регламентируется специальными

государственными программами. Потенциально это огромный ресурс, но достижения на данном направлении не соответствуют планам. Если большинство поляков проживает вне Польши в странах с высоким уровнем жизни, то россияне, русские в первую очередь, сосредоточены по преимуществу на постсоветском пространстве, в ряде частей которого они подвергаются дискриминации. В 2007 г. была учреждена льготная «карта поляка» для тех, кто, находясь в постсоветских государствах, готов декларировать свою польскую идентичность.

В Венгрию по состоянию на 2014 г. больше всего мигрантов (свыше 18% от общего числа) прибывало из сравнительно бедной Румынии, где находится значительная венгерская диаспора. Положение «своих» национальных меньшинств в странах миграционного исхода является фактором, влияющим на миграционную политику. Так, попытки ассимиляции венгерского меньшинства на Украине стали одним из главных раздражителей в украинско-венгерских отношениях. Для Варшавы весьма чувствительны проблемы польской диаспоры в Белоруссии и на Украине. Положение носителей русской культуры на Украине болезненно воспринимается Россией.

В условиях весьма сложных межгосударственных отношений в большой Восточной Европе вопрос о векторах миграции перестал быть сугубо экономическим, легко переходя в политическую плоскость. Россия и Польша при значительном различии их потенциалов претендуют на региональное лидерство. При выборе нового места жительства, кроме соображений материального, логистического и культурного характера, все большую роль сегодня играют политические предпочтения, которые предстоит учитывать, определяя круг желательных мигрантов.

Сравнительное изучение миграционной политики является в высшей степени актуальным сегодня, когда страны сталкиваются как со сходными, так и специфическими вызовами, ответ на которые зависит от понимания национально-государственных интересов и международных обязательств, тесно связанного с историческим опытом. Немало общего обнаружилось не только в подходах участников Вишеградской группы, но также между центральноевропейскими странами и Россией. Конкуренция в миграционной сфере является во многом следствием сходного целеполагания.

И Россия, и страны Центральной Европы оказались перед двумя взаимосвязанными выборами. Во-первых, необходимо определиться, сохранить ли высокую степень моноэтничности или, ориентируясь на исторические прецеденты, пойти на существенное уменьшение доли государствообразующей титульной нации. Во-вторых, предстоит выбрать

модель экономики: либо по-прежнему ожидать экономического роста от масштабного использования трудовых мигрантов, либо отдать предпочтение менее простым, но более дальновидным стратегиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Биссон, Л.С. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2020.

Волкова, Д.А. Трудовая миграция в Чешскую Республику из Украины в настоящее время // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 236–242. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.16

Горизонтов, Л.Е. Восточнославянский вектор миграционной политики современной Польши в свете ее исторического опыта // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 11–20. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-11-20

Горизонтов, Л.Е. Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок // Современная Европа. 2019. № 7. С. 179–185. DOI: 10.15211/soveurope72019179185

Гулина, О., Позняк, А. Между Европой и Россией: география миграционных потоков из Украины после 2014 г. // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 4. С. 561–576. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-4-561-576

Кучеренко, С.Ю., Резник, В.В. Миграционные потоки из Украины в Польшу: оценка объемов и структуры // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2020. № 1. С. 201–212. DOI: 10.24411/2079-7958-2020-13820

Президент Польши обратился к белорусам. РИА-новости. 09.12.2021. URL: https://ria.ru/20211209/duda-1763012054.html?utm_source=smi2_ria_obmen&utm_medium=banner&utm_campaign=rian_partners (дата обращения 14.12.2021).

Четверикова, А.С. Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 130–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Шишелина, Л.Н. (ред.) Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М.: ИЕ РАН, 2017.

Bisson, L.S. (2020). Regulirovanie legal'noy migratsii v Evropeyskom soyuze [Regulation of Legal Migration in the European Union]. Moscow.

Chetverikova, A.S. (2017). Polozhenie stran Vishegradskoy gruppy v usloviyakh obostreniya migratsionnogo krizisa v ES [The Situation of the Visegrad Group Countries in the Context of the Worsening Migration Crisis in the EU], in: Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. № 4. P. 130–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Gorizontov, L.E. (2019). Migratsionnaya politika postsotsialisticheskoy Pol'shi: dinamika strategicheskikh ustanovok [Migration Policy of post-Socialist Poland: Dynamics of Strategic Attitudes], in: Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. № 7. P. 179–185. DOI: 10.15211/soveurope72019179185

Gorizontov, L.E. (2021). Vostochnoslavyanskiy vektor migratsionnoy politiki sovremennoy Pol'shi v svete eye istoricheskogo opyta [The East Slavic Vector of Migration Policy of Contemporary Poland in the Light of its Historical Experience], in: Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the RFBR. Humanities and Social Sciences]. № 4. P. 11–20. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-11-20

Gulina, O., Poznyak, A. (2018). Mezhdu Evropoy i Rossiey: geografiya migratsionnykh potokov iz Ukrainy posle 2014 g. [Between Europe and Russia: Geography of Migration Flows from

Ukraine after 2014], in: Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [Journal of Social Policy Research]. № 4. P. 561–576. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-4-561-576

Kucherenko, S.Yu., Riznyk, V.V. (2020). Migratsionnye potoki iz Ukrainy v Pol'shu: otsenka ob'emov i struktury [Migration Flows from Ukraine to Poland: Assessment of Volumes and Structure], in: Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Vitebsk State Technological University]. № 1. P. 201–212. DOI: 10.24411/2079-7958-2020-13820

Prezident Pol'shi obratilsya k belorusam [President of Poland addressed Belarusians]. RIA Novosti. 09.12.2021. Available at: https://ria.ru/20211209/duda-1763012054.html?utm_source=smi2_ria_obmen&utm_medium=banner&utm_campaign=rian_partners (accessed 14.12.2021).

Shishelina, L.N. (ed.) (2017). Vishegradskaya chetverka v Evropeyskom soyuze: dilemmy konvergentsii [Visegrad Four in the European Union: Convergence Dilemmas]. Moscow.

Volkova, D.A. (2019). Trudovaya migratsiya v Cheshskuyu Respubliku iz Ukrainy v nastoyashcheye vremya [Current Labor Migration to the Czech Republic from Ukraine], in: Rossiya i sovremennyi mir [Russia and the Contemporary World]. № 2. P. 236–242. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.16

CONTEMPORARY MIGRATION EXPERIENCE OF POLAND IN THE CENTRAL EUROPEAN AND EURASIAN CORRELATION

Leonid E. Gorizontov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: lgorizontov@hse.ru, ORCID: 0000-0002-2253-1422

Abstract. Poland's migration policy has received significant development and wide international resonance in recent years. The country is experiencing a massive reception of labor migrants from Ukraine, supplementing the visa-free regime of their stay in the territory of the European Union with legal employment opportunities. An increase in the influx of migrants from Belarus is considered as an important additional resource. The eurosceptic ruling elite of Poland resolutely opposes Afroasiatization, rejecting the quotas set by Brussels and acting as rigidly as possible on its borders. The specifics of Poland's experience are determined by comparing it with the migration situations and strategies of other Central European states and Russia, which are also experiencing migration pressure, need to use external sources of labor, take into account their past and regional positioning. Despite the uniqueness of the migration experience of each of the countries, the Polish case reveals some similarities not only with the Czech Republic, Slovakia and Hungary, with which Warsaw coordinates its attitudes and actions in the migration sphere, but also with Eurasian Russia. The perceptions of desirable migrants in Poland, other Visegrad countries and Russia largely coincide, which makes them competitors in the international labor market.

Key words: migration policy, Poland, Visegrad Group, Russia, labor migrants, desirable migrants, integration, Islamophobia, euroscepticism, economic development strategy.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-09-00330.